

Наталья МОРЖИНА

Москва

Родилась в Красноярске. Живёт в Москве. Журналист. Автор книги стихов «Парад планет». Дипломант конкурса одного стихотворения — 2014.

СМЕШИНКА

Жила-была на свете Смешинка.

Никто её глазами не видел. Но мне кажется, что она была махонькая, лёгонькая. Говорят же: «Смешинка в рот попала», — когда дети ни с того ни с сего начинают хохотать, пока в животе не заколет. А ещё она была пушистая, ведь когда люди смеются, им всегда немножко щекотно.

То есть она похожа на пушинку одуванчика. Только невидимую. В глубине души Смешинка почти уверена, что они с одуванчиком родственники. Ещё и потому, что люди невольно улыбаются, когда дуют на белое тёплое облачко, и смотрят добрыми глазами, как ветер подхватывает нежные парашютики.

Вот и Смешинку ветер сунет в свой карман и носит по свету, пока не выронит где-нибудь, не посетит ненароком.

На этот раз ветер занёс Смешинку в чисто поле. Но это только в старых сказках так говорится: чисто поле. На самом деле никакое оно не чисто, потому что была ранняя весна, снег только вытаял и ушёл водою в землю, а на поверхности осталась путаница где полёгших, а где криво торчащих прошлогодних трав. Дождь здесь давно не проходил, прогуливался стороной. И поле лежало шуршавое, неприбранное. Это не ошибка. В самом деле шуршавое: не гладкое и не бархатистое, как с молодой травкой, а косматое и шершавое от сухих серых стеблей-будылин, которые шуршат на ветру.

И надо ж такому случиться, что забежал ветер в самую середину этой глухомани — и стих... Наступило безветрие. По-морскому это называется штиль, полный штиль. А вот как по-полевому — неизвестно. Оказалась Смешинка в самом неподходящем и даже опасном для неё месте. Потому что если смеяться некому, смешинки исчезают. Навсегда! Тают как льдинки — и всё. А кому тут смеяться?

Смешинка огляделась по сторонам, но стороны эти были так друг на друга похожи, все такие серо-желтоватые и скучные, что она растерялась. Даже испугалась:

— Ничего себе залетела...

Постояла немного, подождала ветра, а его нет и нет. Что же делать? Идти, наверное. А если ветер улетел навсегда и забыл про это место? Ну не пропадать же, в самом деле!

И Смешинка пошла... Идти было очень трудно: сухие стебли беспорядочно навалились друг на друга, и для такой малышки они были настоящим буреломом. Она с трудом пробиралась вперёд, то проползая под нагромождением колючек, опутанных сухой травой, то перелезая через огромные штабеля длинных стеблей. Устала ужасно. Но изо всех сил старалась не сбиться с курса.

Трудно сказать, в каком направлении она двигалась. Этого она и сама не знала. Знала вот что: надо идти в одну и ту же сторону, тогда обязательно куда-нибудь придёшь. Правда, если двигаться в одном направлении очень долго и очень упорно, придёшь туда же, откуда вышел. Потому что Земля круглая. Но Смешинке это было не под силу, и о такой опасности она не подумала.

Так вот шла она, шла, а полю конца-краю не видеть. И настал момент, когда Смешинка потеряла надежду. И загрустила. Это был самый тяжёлый момент в её жизни. Для смешинок грусть — как для людей тяжёлая болезнь. Если вовремя не вылечишься, можно даже умереть.

Поэтому первое, что сделала Смешинка, — поскорее отыскала потерянную надежду и спрятала её поглубже. Потом сделала несколько глубоких вдохов и выдохов — это восстанавливает душевное равновесие. А потом привстала на цыпочки и внимательно огляделась. И вдруг увидела на самом горизонте, там, где хмурое поле упирается в нежную голубизну небес, какие-то чёрные треугольники.

— Крыши? — прошептала Смешинка, боясь голосом спугнуть видение. — Крыши... Крышечки... Ура! — завопила она и изо всех сил полезла в сторону треугольных значков, будто приколотых к горизонту заботливой рукой.

— Крыша — это дом, дом — это люди, люди — это дети, дети — это смех! — бормотала она, как стишок, в такт шагам. Так идти было легче и быстрее.

Но тут налетел ветер, да какой сильный! Ещё час назад Смешинка обрадовалась бы ему как родному, как спасению, но теперь — едва не зарыдала. Ветер дул прочь от дома. Ведь он опять занесёт её в середину гиблого поля, а вновь проделать такой путь у неё не хватит сил!

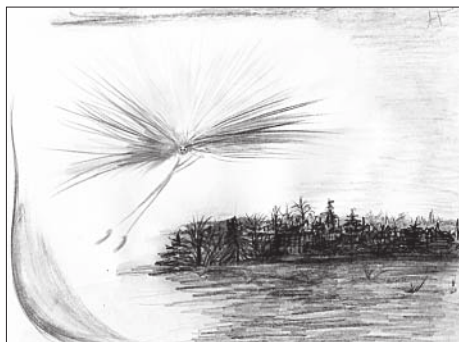
Она заползла под травяную кочку, чтобы переждать порыв ветра, и увидела круглую дырку в земле. Норка — вот что это такое! Таких дырок на поле было великое множество, только их не видно под лохматой травой. Мышиные норки ровные, чистенькие, а если вокруг земляная горка насыпана — значит, крот поработал. И Смешинка нырнула в мышиную норку.

Там было хорошо. Для мышей. А для Смешинки слишком тихо и мрачно, поэтому не очень подходяще. Зато можно перевести дух и проверить, на месте ли надежда. Смешинка всё это быстренько проделала: дух был привычный, переводился легко и без скрипа, а надежду она так надёжно припрятала, что чуть сама не забыла, куда засунула, и даже вздрогнула от страха, что потеряла.

Тут что-то зашуршало в земляном тоннеле. И малышка отважно бросилась вперёд. Главное — успеть, пока надежда не угасла, пока греет. Тогда всё можно сделать — что хочешь, на что решился. И она бежала по мышиным ходам-переходам, стараясь не сбиться с курса. Это было нелегко. Коридорчики уводили вправо и влево, тоннель то поднимался вверх, то опускался. По стенам вились корни трав, а местами настоящие бороды из корней висели, и земля рыхло осыпалась, оставляя лишь тонюсенькую щёлочку. Но разве это препятствия?! Это же смех, а не препятствия! А смех — это то, что надо.

Два раза Смешинка встречала хозяек. Сначала она едва не столкнулась нос к носу со старой потёртой мышью. Это было унылое создание с тусклыми, равнодушными глазами. Ох, лучше бы она была просто сердитая. Тогда её можно было бы расщекотать, расхохотать. Ну хотя бы заставить слабенько улыбнуться. А равнодушие — как бездонное болото. Это такая опасность! И Смешинка торопливо свернула в первый же боковой тоннель, лишь бы не утонуть в мышином равнодушии, не раствориться в нём навсегда.

Но тут она услышала за спиной шорох осыпающейся земли и тихий топоток. Ой, неужто унылая мышь идёт за ней? Надо срочно удирать! И Смешинка бросилась бежать, не

жалая сил. Куда она сворачивала, поднималась, опускалась — она уже не помнила. Продиралась сквозь занавеси корешков, подточенных острыми мышинными зубками, перелетала через мокрую глину на полу и стучалась при этом о потолок. Поток воз-

духа увлёк её в сторону и вверх, но Смешинка уцепилась за какой-то корешок. Всё, хватит, набегалась. Обессилела она, бедняжка. Стала маленькая да тоненькая, даже прозрачная, как льдинка на утренней лужице.

Но отдохнуть не пришлось. Потому что корешок дёрнулся и пополз.

— Ой! — вскрикнула Смешинка, ещё не зная, чем заняться: порадоваться или испугаться.

На всякий случай корешок держала крепко. Вдруг пригодится?

— Ой, — пискнул кто-то в ответ. И добавил: — Хи-хи.

— Ещё, пожалуйста, — восхищённо попросила Смешинка. — У вас это чудесно получается. Вы смешливый корешок? Я таких ещё не встречала. Но — обожаю.

В ответ раздалось столько «хи-хи» и «хо-хо», что малышка ощутила небывалый прилив сил. А надежда — так та вообще раскочегарилась, как печка. Смешинка погладила надежду, чтобы та угомонилась. А то ещё спалит на радостях.

Корешок оказался тёплым. В суете Смешинка не сразу это заметила. Он был живым! И не корнем вовсе, а хвостом, мышинным хвостиком! За ним обнаружилась тёмно-серая мягонькая шубка, а ещё дальше — острая мордочка с блестящими бу-синками глаз и шустрыми ушками.

Пока мышка тоненько хихикала и даже тёрла лапками нос, как будто это носу было щекотно, а не хвосту, Смешинка набиралась сил. И делала это с удовольствием. Мышка её словно витаминами кормила — такая она стала плотненькая, пушистая, энергичная.

— Не могу, ой... — пискнула мышка сквозь смех. — Я... ик! Я уже икаю.

Тут Смешинка спохватилась: так ведь и уморить мышонка можно. Ухохочется ещё до потери сил и памяти. К людям надо, и поскорей!

Она, не церемонясь, дёрнула мышь за хвост и скомандовала:
— Вперёд! К людям, к дому!

Мышка оказалась смышлёная и резвая. Она с хохотом выпрыгивала из норок, как дельфин из воды, и шмякалась на траву. Даже на бок слегка заваливалась, но, оттолкнувшись лапками-пружинками, тут же подпрыгивала и мчалась со страшной мышиной скоростью в нужном направлении. И опять ныряла под землю.

— Эй! — вопила Смешинка, вцепившись в хвост. — На прямую давай, не в цирке!

Вместо ответа мышка носом кивнула куда-то в небо. И не успели они юркнуть в ближайшую норку, как чья-то тень беззвучно накрыла их, и стало нехорошо. Опасно.

Но подземные ходы выручили: когда путешественницы вновь вылетели на поверхность, вокруг было спокойно. Однако они продолжали двигаться перебежками вверх-вниз. Это было разумно, ведь мышь беззастенчиво топала, хохотала и была самым заметным зверем на квадратный километр.

Но вскоре Смешинка заметила, что её скаковой мышонок совсем запыхался. Ещё бы: так мчаться, захлёбываясь от смеха! Это не каждому под силу.

— Стоп, — скомандовала она, слетая на жухлую травинку. — Отдышись и помолчи немного.

Мышка отдышалась, но долго молчать не могла. Её мучило любопытство.

— А зачем? Почему к дому? Почему быстро? А что потом?

И ещё целую кучу вопросов выпалила мышь на одном дыхании. Могучее всё-таки дыхание у этого зверька!

Смешинка рассказала ей свою историю. А потом задумчиво добавила:

— Мне обязательно надо к людям. К добрым людям. Понимаешь, если смех лёгкий, как ручеёк, тогда он может жить везде, тогда он приятный и полезный для любой жизни на земле. А когда им никто не управляет, он может стать могучим и страшным — как ураган, как водопад! С такой силой справятся только умные и добрые люди. Ведь смех может быть и злоеющим, и обидным... Таким смехом можно кого угодно напугать, отравить и даже убить. Есть шутки милые и добродушные, а

бывают и другие — глупые, язвительные, грубые... Если, например, окружающие начнут над человеком насмехаться и глумиться, он жить не сможет, сердце такой обиды не выдержит. А у тех, кто заразился злым смехом, душа заболевает и разрушается. Злорадство — это большая беда. Огромная! Ты уж прости, что я совсем тебя загоняла, ладно? Ты, такая маленькая, спасаешь всех от большой беды...

Мышка посерьёзна. Стала не самым весёлым, а самым отважным зверем в округе. Она решительно встряхнулась и сама скомандовала удивлённой Смешинке:

— Вперёд! И держись крепче.

Теперь мышь продвигалась иначе — стремительно и бесшумно. Почти как хищник. Она уже не шарахалась пугливо от каждой тени, как когда-то, до встречи со Смешинкой. Она мгновенно оценивала — на самом деле это опасность или только кажется. А если всё же опасность, то как её обойти. Мышь даже поверила, что одолеет любое препятствие, что никто и ничто не остановит её на этом пути. Но проверять свои ощущения и рисковать попусту она не стала. Сейчас самое главное — доставить Смешинку к людям целой и невредимой. И как можно быстрее!

Что-то раз и навсегда изменилось в мышке. Она будто увеличилась, выросла... Хотя внешне это было незаметно. Но много ли увидишь глазами? Смешинку — и ту не увидишь...

Вот, наконец, и дом. Бревенчатые стены потемнели от времени и непогод, слегка покосились, но дом, кажется, вполне крепкий, жить можно. Можно-то можно, а живут ли в нём люди? У Смешинки упало сердце. Бабахнуло, остановилось — и упало. А если дом пустой?

Неужели все усилия напрасны? Ведь на этом громадном поле даже мыши с ума сойдут, а у дома крыша поедет. Люди нужны, ой как нужны: только люди могут справиться со стихией смеха, сделать его добрым и добро творящим.

— Как в дом попасть, знаешь? — спросила Смешинка.

Мышь обиженно хмыкнула и уже через минуту высунула острую мордочку из щели в полу под старой кроватью. Они вышли на середину комнаты и огляделись. Тихо. Совсем тихо. Никого...

Похоже, это не просто дом, а дачная такая избушка, куда приезжают только на лето. Не деревенские здесь живут, а горожане. Это плохо. Ведь лета ещё ждать и ждать, а если это дачный посёлок, то ранней весной он пустует...

И тут Смешинка услышала, как от белёного бока печи тянет теплом... Значит, люди близко! Печка сама не греет, её топить надо.

Мышка стояла, растопырив лапки, на облупившейся половице и вдруг с тоненьким жалобным стоном завалилась на

бок. Её мягкая шубка утратила блеск, запылилась, в шёрстке застряла какая-то труха; хвостик, как чужой, валялся рядом. Мышь разом лишилась сил. Смешинка ужаснулась: «Она погибнет! Что же делать?»

Тут в сенях раздался топот. Дверь хрипло мяукнула и отворилась. Мышка вздрогнула, дёрнула лапками, но бежать не смогла.

Кота, к счастью, за дверью не было. Вошла девочка лет пяти. И не просто вошла, а прямо-таки ввалилась в комнату, потому что была чем-то рассержена. Оттого так сильно и топала в сенях, будто била сапожками пол. Хотя он-то чем виноват? Лежит себе...

Так вот, эта сердитая девчонка ввалилась в комнату, прислонилась к дверному косяку и так скривила губёшки, что сразу стало ясно: пришла реветь. Но Смешинка только обрадовалась. Не поверила она, что эта девчонка — рёва и зануда, потому что рукав её небесно-голубой курточки был слегка надорван, а колени почти непромокаемых штанов украшали шикарные пятна. А это означает, что девчонка лазала по деревьям и зацепилась за сучок. А потом вообще неведомо где, но увлечённо лазала. Ну разве зануда может лазать и пачкаться увлечённо, азартно? А самое главное — на голове у неё была вязаная шапочка цвета радуги! Самого счастливого и весёлого цвета, в ту самую правильную полоску от красного до фиолетового, полный спектр!

Всё ясно: это подходящая для Смешинки девочка. И не важно, что сейчас, вот сию минуту, она сердитая такая и вроде бы несимпатичная. Это только видимость одна. Только выражение лица. Лицо — оно же всякое бывает, для того и существуют разные выражения. Было бы что выразить. А что у неё там, внутри? Добрая ли она? Сейчас узнаем.

Долго ждать не пришлось: девчонка заметила мышку. Её глаза округлились до невозможности, до дальше некуда, высохли и заблестели. Девочка осторожно подобралась к зверьку, опустилась на коленки и некоторое время разглядывала, как мелко и трудно ходит вверх-вниз пыльный меховой мышинный бочок.

— Бедняжка... Может, ты голодная?

Девочка быстренько пошуровала на столе, погромела мишочками и разложила перед носом мышки целый пир: кусочки хлеба, сыра, колбаски, картошки... Сначала ожил нос. Он сразу всё понял. И мышь, сначала лёжа, начала по малюсенькому кусочку, потихоньку, отведывать то, что девочка придвигала ей к самой мордочке. Потом перевалилась на брюшко, а через минуту уже подбежала к угощению. Деловито нюхнула, оценила и, усевшись на задние лапки, цепко ухватила передними колбасную шкурку. Она так забавно и старательно хрумкала, что девочка как захлопает в ладоши, как захохочет! Испуганная мышка метнулась под кровать и, бросив на недоеденное богатство взгляд, полный сожаления, исчезла в щели меж половиц.

— Постой, я нечаянно! Вернись! — кричала девочка, заползая под кровать.

Но мышку эти крики повергли в такой ужас, что она улепётывала изо всех вернувшихся сил.

А девочка прижалась губами к щели и горячо шептала:

— Слушай, мышь, давай с тобой дружить. К нам раньше кот приходил, ничей, свободный кот, так я с ним дружила, а теперь он не приходит, ты не бойся...

Девчушка выбралась из-под кровати и вздохнула. Потом прислушалась к себе. Что-то происходило. Будто весёлая газировка щекотно забегала внутри: хотелось смеяться, всех любить и танцевать. Это Смешинка принялась за дело. Не зря она так стремилась в этот дом: ребёнок подходящий, справится.

Девочка вскочила на ноги и, радостно грохоча сапогами, бросилась на улицу. Оттуда звонко донеслось:

— Мамочка, я не буду злиться, потому что я тебя ужасно люблю! Нет, я тебя прекрасно люблю!

В опустевшем доме хмыкнула потолочная балка, деревянным смехом отозвались половицы, и кто-то невидимый хихикнул за печкой. А может, это сквознячок пролетел...

Рисунки Анастасии Толстой